

А. Подвысоцкий

**Записки очевидца о событиях в Варшаве в
1861 и 1862 годах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Подвысоцкий**
Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 годах / А. Подвысоцкий – М.: Книга по Требованию, 2021. – 154 с.

ISBN 978-5-518-10087-9

ISBN 978-5-518-10087-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

го, съ его образцовой администраціей, пробужденнымъ кредитомъ, оживленной промышленностью, расширившимися торговыми и финансовыми оборотами, хорошо устроенными путями сообщенія, большими военными запасами и арміею, которой кадры легко могли утронуть ее въ самое короткое время. Къ этимъ благоприятнымъ условіямъ присоединилась запутанность общаго положенія дѣлъ въ Европѣ, главнымъ же образомъ благоприятствовало полякамъ настроеніе западныхъ кабинетовъ, которымъ приходилось по сердцу каждае новые хлопоты Россіи, тѣмъ болѣе, послѣ едва кончившейся тогда турецкой войны. И при всѣхъ этихъ средствахъ Польша пала вторично, еще разъ доказавъ свою нравственную несостоятельность для самостоятельнаго существованія. Борьба 1831 года, упорная и ожесточенная въ частностяхъ, была всего менѣе патриотическою. Духъ партій, довершившій паденіе Польши въ концѣ XVIII столѣтія, и теперь принесъ въ жертву личнымъ стремленіямъ кровь и достояніе жителей цѣлаго края.

Кровавая катастрофа 25-го и 26-го августа 1831 года, завершивъ одну революцію, была въ то же время началомъ тридцати-лѣтнихъ усилій и приготовленій къ новой. Ничто не смущало этой болѣзненной дѣятельности, ни страшное разореніе страны, ни безплодность дипломатическихъ прощсковъ, ни явная невозможность предпринять что либо въ виду наступившей бдительности правительства. Надежда мелькала еще въ сохраненіи самаго названія царства Польскаго и его административнаго строя, представлявшаго, по прежнему, отчужденное отъ имперіи, привилегированное управленіе, съ своимъ бюджетомъ, министерствами, законами и даже таможенной границей со стороны Россіи. Подобная организация, ослабленная лишь уничтоженіемъ конституціи и войска, поставила въ неестественное положеніе, какъ русское правительство, такъ и поляковъ. *Конгрессушка* на берегахъ Вислы манила патриотовъ призракомъ самостоятельности Польши, съ ея старинными границами на Двинѣ и Днѣпрѣ, и въ самомъ названіи *забравный край* (край забраву), которымъ обозначали поляки западныя губерніи Россіи, ясно высказывалась ихъ притязанія на право владѣнія эти-

ми русскими областями. Такимъ образомъ, вопреку о возстановленіи Польши былъ тѣсно связанъ съ отторженіемъ отъ Россіи ея древнѣйшаго достоянія, и такъ какъ источникъ этихъ стремленій, сосредоточенныхъ въ образѣ царства Польскаго, не былъ уничтоженъ при подавленіи возстанія 1830 года, то всегда надо было ожидать, что оны рано или поздно проложитъ себѣ новое теченіе.

Съ усмиреніемъ возстанія 1830 года, затрудненія Россіи въ царствѣ Польскомъ увеличались, по поводу дѣятельности поляковъ за-границею, въ лицѣ эмигрантовъ. При постоянной поддержкѣ со стороны французскаго правительства, эта корпорація сдѣлалась источникомъ напущкаго польскаго патриотизма, развиваемаго систематически во всѣ части бывшаго польскаго королевства. Но единодушіе столь же мало отплатило поляковъ на чужбинѣ, какъ и на родинѣ. Партіи, разбѣдившія патриотовъ въ 1831 году, обозначились еще рѣзче въ эмиграціи, гдѣ каждая изъ нихъ дѣйствовала по своимъ личнымъ расчетамъ, надѣясь достигнуть цѣли только своими усиліями и считая дѣйствія другихъ партій препятствіемъ къ возстановленію Польши. Кромѣ извѣстныхъ уже партій, аристократической и демократической, принявшихъ на себя главныя роли въ этомъ дѣлѣ, образовалось теперь нѣсколько новыхъ, стремившихся по-своему къ осуществленію одной и той же цѣли, наиримѣрь, *клерикалы* (*), избравшіе своею задачею фанатизированіе умовъ и подготовку ихъ къ защитѣ угнетеннаго, будто бы, въ Польшѣ католицизма, безъ содѣйствія котораго возрожденіе Польши считаютъ она дѣломъ немисляемымъ; *товянисты*, погруженные въ мистическое вѣрованіе неизбежности возстановленія Польши по особенному покровительству Божественнаго Промысла; *резуррекціонисты* или *воскресіе изъ мертвыхъ* (zmarływuchwstancy), сходствующіе въ направленіи съ товянистами, но отлчаш-

(*) Къ этой партіи принадлежатъ преимущественно аристократы, а еще болѣе аристократы. Главный органъ этой партіи—Духовная конгрегация миссіонеровъ въ Парижѣ. Въ Варшавѣ, въ распоряженіи этой партіи, былъ приходскій костелъ Св. Креста.

шіеся отъ нихъ рѣзкимъ фанатизмомъ. Эта духовная конгрегація первоначально образовалась въ Парижѣ при церкви св. Роха; впоследствии перешла въ Римъ, гдѣ Пій IX принялъ ее подъ свое покровительство и отдалъ ей церковь св. Клавдія.

Вліятельнѣйшею изъ всѣхъ польскихъ партій, какъ по значенію, такъ и по дипломатическимъ связямъ, должна считаться, конечно, партія аристократическая. Она силится возсоздать автономію Польши и довести ее до возможно-крайнихъ предѣловъ путемъ мѣстныхъ происковъ, по возможности безъ насильственныхъ мѣръ и войны, опасныхъ для ея матеріальныхъ интересовъ. Главными средствами для того были: извнѣ дипломатическія интриги и тайныя соглашенія за границую, а внутри — развитіе патріотическаго настроенія и социальное преобразованіе польскихъ областей. Сознавая невозможность возстановить сразу самостоятельность Польши, партія эта стремилась, главнымъ образомъ, къ возстановленію въ царствѣ Польскомъ конституціи 1815 года, съ тѣмъ, чтобы во главѣ администраціи поставленъ былъ полякъ, и чтобы, со временемъ, всѣ части бывшей Польши соединить въ одно конституціонное королевство. Главами аристократической партіи въ періодъ 1834—1864 были: князь Адамъ Чарторыйскій въ эмиграціи, и его племянникъ, графъ Андрей Замоискій, въ царствѣ Польскомъ. Первый считалъ себя претендентомъ на польскую корону и представителемъ Польши предъ лицомъ западно-европейскихъ кабинетовъ. Второй обратился къ дѣятельности болѣе практической, и хотя не мечталъ о коронѣ, но тѣмъ не менѣе сдѣлался могучимъ двигателемъ польскихъ національныхъ стремленій.

Родъ князей Чарторыйскихъ въ трехъ поколѣніяхъ принималъ дѣятельное участіе въ отношеніяхъ Польши къ Россіи. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, когда иностранныя державы содержали на откупѣ польскія партіи при варшавскомъ дворѣ, князья Чарторыйскіе: Августъ, воевода русскій, и Михайлъ, канцлеръ литовскій, стояли во главѣ русско-польской партіи, и даже не чуждались денежныхъ пособій отъ русскаго правительства (*). Сынъ

(*) Делегата русскаго посланника въ Варшавѣ, Веймарна, отъ 5-го августа 1756 года, изъ кото-

Августа Чарторыйскаго, Адамъ-Казиміръ, первоначально также держался русской партіи, но потомъ, вслѣдствіе непризнанія императрицей Екатериной II брака дочери его Маріанны съ принцемъ Людвигомъ виртембергскимъ, братомъ первой супруги великаго князя Константина Павловича, началъ дѣйствовать враждебно. За это императрица Екатерина II намѣревалась конфисковать его обширныя помѣстья въ Литвѣ, и только по ходатайству тогдашняго литовскаго генераль-губернатора, князя Рѣпинна, отменила это рѣшеніе. съ тѣмъ, однако, чтобы оба сына князя Адама-Казиміра, Адамъ и Константинъ, были отправлены на службу въ Петербургъ. Они прибыли туда въ 1795 году, поступили въ гвардію и вскоре были назначены адъютантами при великихъ князьяхъ,—Адамъ при Александрѣ Павловичѣ, а Константинъ при Константинѣ Павловичѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій (родился 14-го января 1770 года), приобрѣлъ особенную дружбу великаго князя, и хотя императоръ Павелъ I неблагоклонно взиралъ на это, вслѣдствіе чего князь Адамъ былъ назначенъ посланникомъ при сардинскомъ дворѣ, но императоръ Александръ I, по вступленіи своемъ на престолъ, назначилъ его статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, а вскоре послѣ того Чарторыйскій выхлопоталъ себѣ, независимо отъ этой должности, и мѣсто куратора виднскаго университета, которому была въ то время подчинена учебная часть въ нынѣшнемъ сѣверо-западномъ краѣ Россіи (въ юго-западномъ краѣ управлялъ тогда учебною частью известный польскій патріотъ Чацкій).

Съ того времени, князь Адамъ Чарторыйскій постоянно стремился къ осуществленію мыслей своей о возстановленіи всей бывшей Польши подъ скипетромъ императора Александра I. Несколькo разъ надѣялся онъ достигнуть этой цѣли подъ прикрытіемъ современныхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, и однакожь немногo успѣлъ,—хотя и много было говорено о неограниченномъ вліяніи его на императора Алексан-

рой видно, что князю Михаилу Чарторыйскому было выдано 6,000 червонцевъ, и онъ, при полученіи этихъ денегъ, отозвался, что французское правительство платитъ щедрѣе своей партіи.

дра. Такъ, въ первую войну Россіи съ Франціею, князь Адамъ Чарторыйскій напрасно убъждалъ своего монарха занять русскими войсками принадлежавшіи Пруссіи подьскія области. за отказъ этой державы присоединиться къ союзу противъ Наполеона. По поводу этой неудачи и последовавшаго затъмъ мира Россіи съ Франціею, онъ даже отказался отъ портфеля иностранныхъ дѣлъ, оставивъ, однако, за собою должность куратора вилнскаго университета. Не болѣе успѣшнымъ былъ подобный же замысль князя Адама Чарторыйскаго и по поводу войны 1812 года, когда онъ, пугая императора Александра соединеніемъ всѣхъ поляковъ подъ знаменами императора Наполеона, убъждалъ его провозгласить себя польскимъ королемъ (въ это самое время, отецъ князя Адама Чарторыйскаго, Адамъ-Казиміръ, организовалъ въ Варшавѣ польскую конфедерацію противъ Россіи). Только въ 1815 году, когда самъ императоръ Александръ I увлеклся мыслию восстановления Польши подъ своимъ скипетромъ, замыслы князя Адама Чарторыйскаго были весьма близки къ осуществленію. Онъ сопровождалъ императора на вѣнской конгрессъ, и, по порученію его, велъ тамъ дипломатическую переписку съ уполномоченными западныхъ державъ, по вопросу о Польшѣ; но и на этотъ разъ, вслѣдствіе энергическаго противодействія со стороны Англіи, Франціи и Австріи, не удалось ему даже намѣреніе соединить конституціей западныя губерніи Россіи съ царствомъ Польскимъ.

Несравненно успѣшнѣе была дѣятельность князя Адама Чарторыйскаго въ роль куратора вилнскаго университета. Въ этомъ званіи двадцать лѣтъ управляя учебною частью въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, онъ создалъ прочныя основанія для того, чтобы направить воспитаніе юношества исключительно въ польскомъ патриотическомъ духѣ. Основой развитія молодежи было, главнымъ образомъ, картинное изображеніе Польши въ видѣ какого-то идеала соціальнаго совершенства. При изложеніи молодымъ людямъ лекцій польской исторіи, старательно отбодислись всѣ факты, обезображивавшіе въ продолженіе вѣковъ государственный строй Польши и, напротивъ, широко развивались тѣ изъ нихъ, ко-

торыми можно было поддержать славу этого государства. При несомнѣнномъ значеніи вилнскаго университета, заведеніе это сдѣлалось вмѣстѣ съ тѣмъ и разсадникомъ польскаго патриотизма, доведеннаго въ то время до степени моды. Все русское было говнимо изъ западныхъ губерній. Говорить и читать по-русски считалось унизительнымъ, и даже были приняты мѣры къ устраненію между воспитанниками учебныхъ заведеній чтенія русскихъ книгъ. Въ связи съ такимъ направленіемъ было образованіе тайныхъ обществъ въ Вильнѣ, сперва прикрывавшихся научными цѣлями, а потомъ сдѣлавшихся явно политическими, и, наконецъ, въ 1823 году открытыхъ правительствомъ, вслѣдствіе чего князь Адамъ Чарторыйскій лишился должности куратора.

Утративъ должность куратора, князь Адамъ Чарторыйскій сохранилъ только мѣсто сенатора въ варшавскомъ сенатѣ, но жилъ за границею, откуда возвратился уже въ царствованіе императора Николая I, чтобы принять участіе въ судѣ надъ прикосновенными къ заговору 1825 года соотечественниками своими, какъ извѣстно, оправданными польскимъ сенатомъ. Въ началѣ маяжа 1830 года, онъ былъ облеченъ въ званіе предсѣдателя временнаго революціоннаго правленія, отъ котораго отказался наканунѣ вятія русскими Варшавы, и удалялся въ Парижъ, гдѣ до самой смерти своей (15-го іюля 1861 года) стоялъ во главѣ аристократической партіи польской эмиграціи.

Въ продолженіе всей своей жизни князь Адамъ Чарторыйскій, вѣрный основному принципу польскихъ вельможъ, дѣйствовалъ столько же подъ влияніемъ патриотизма, какъ и честолюбія; когда же ему не удалось сдѣлаться намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ, то къ этимъ побужденіямъ присоединилось еще и чувство оскорбленнаго достоинства. Съ того времени онъ надбавляя осуществить свои замыслы инымъ путемъ, и сдѣлался средоточіемъ тайныхъ патриотическихъ обществъ въ западныхъ губерніяхъ, что, между прочимъ, подтверждается и слѣдующимъ отзывомъ о немъ революціоннаго журнала польской эмиграціи «*Nowa Polska*»: «Подъ отеческимъ спокровительствомъ и съ вѣдома князя Адама

«Чарторыйского образовались и развились патриотические общества. Когда они были открыты, он защищал их, уменьшал их виновность и многих юной славой от гибели.»

Начало патриотической деятельности графа Андрея Замойского относится к эпохе восстания 1830 года, когда он, в качестве дипломатического агента, был послан польским революционным временным правлением в Вену, с ходатайством о признании независимости Польши. После падения Варшавы в 1831 году, он стал во главе аристократической партии, стремившейся к социально преобразованию всех областей бывшего польского королевства. К подобной смерти польские аристократы прибегали, как известно, еще в 1794 году, но неудачно, потому что этим только ускорили падение своего отечества. Теперь граф Андрей Замойский рассчитывал признать к Польше усвоенные им английские принципы общественной и государственной жизни и, созная силу народа в массе его земледельческих и промышленных представителей, считал необходимым призвать к политической жизни всю силу промышленности и денежные капиталы страны. Этим путем, опираясь на массы народа, он надеялся сперва ввести аристократов в некоторые специальные, соприкасающиеся с экономическими вопросами отрасли управления, а потом утвердить влияние их и на всю администрацию края. Как инициатор этого нового управления, граф Замойский едва ли имел равного себя между членами аристократической партии не только по таланту, но и по деятельности, которую развивал в продолжение тридцати лет с редким постоянством и самопожертвованьем. Он один из первых решился замкнуть барщину оброком (чиншеж) и ввел в своих имениях общинные начала с круговой порукою за платеж оброка. Он заводил сельские училища, посылал на свой счет молодых людей за границу для изучения земледелия, устраивал пароходство на Вислу, основывал разные промышленные компании, расширил круг деятельности земского кредита и в общем результате обобщил духом промышленной и земледельческой предприимчивости царство

Польское, Литву, Волынь, Подолию, Украину, Познань и Галицию. Дух спекуляции прикрывал во всех этих предприятиях чисто-патриотический стремления. Руководясь этою основною мыслью, граф Замойский сгруппировал около себя интересы весьма многих землевладельцев и значительную долю промышленной интеллигенции страны; он направлял и объединял национальным характером общия усилия к развитию материального богатства края и сдвигался средоточьем большой партии, связывавшей интересы не только высших, но и низших на родных сословий. При таком успехе предприятия направления, человек этот приобрел популярность, чему много способствовали его замечательное безкорыстие, доступность и обходительность. Случалось нередко, что для спекулятивных предприятий, во главе которых он находился, принимали неблагоприятное направление, и он никогда не задумывался вознаграждать собственными средствами убытки дивидендов, чтобы только не поколебать веры во успех общепольского дела. Его обширные промышленные заведения привлекали множество рабочих рук, и это давало ему возможность постоянного общения с низшими слоями народа, в которых, при своей всегдашней готовности поддерживать нужды рабочего класса, он приобрел общую известность и любовь под именем пана Андрея. Рядом с такими действиями, опираясь на приобретенное сочувствие и доверие, граф Замойский предпринял систематическое развитие своих замыслов во всем царстве Польском и смежных с ним польских областях Австрии и Пруссии. Для этого, еще в 1840-х годах, он придумал проект особой ассоциации, под скромным названием «Земледельческого Общества.» В то время, однако, эта заботливость о развитии отечественного земледелия не успела администрацию царства Польского, и граф Замойский, после нескольких неуспешных попыток, испросить дозволения на учреждение своего общества, должен был на долгу отказаться от исполнения задуманного предприятия. Такова была деятельность этого человека и в период, предшествовавший новому порядку вещей, который настал в 1833 года.

Боле опасная, нежели вся подземная работа революционной партии, деятельность эта, быть может, потому только не удалась, что не нашлось человека, который бы довершил ее с таким успехом в момент решительного кризиса, с каким граф Замоиский подготовил ее основания. Столько же даровитый организатор, как и неискусный предводитель партии, он не умел совладать с бурливым демократическим элементом, которому дельстил неосторожно, надеясь подчинить его своим видам, и, вместо того, чтобы овладеть вспыхнувшим в 1861 году революционным движением, на что он рассчитывал, сам сдвинулся его бессознательным орудием.

Ничто не было так чуждо основным условиям государственной и общественной жизни Польши, как демократическое направление, принятое к ней в момент окончательного разложения польского королевства. Чтобы поддержать разрушающееся здание государства, предводители так называемой *молодой* патриотической партии позаимствовали из современной французской революции идею верховного господства народа, и на этом основании создали известную конституцию 3-го мая 1791 г. То, что во Франции работалось теорией и сознанием известной части общества, в Польшу было лишь искусственным насаждением, в основу которого крылись все те же старинные аристократические стремления. Однако революция 1794 года пустила все-таки и некоторые корни, укрупнив за демократической партией, так сказать, право гражданства в Польшу. С той поры, партия эта также приобрела своих героев в образ Килинского (*) и его сподвижников, и если не могла состязаться с аристократами в искусстве дипломатических прощесков, то каждый раз являлась их неодолимой соперницей в стремлении к господству над краем. Так, с учреждением цар-

ства польского, демократическая партия, получив более правильную организацию в лице палаты *послов* (депутатов) варшавского сейма, вызвала, вопреки расчетам аристократических патриотов, вооруженное восстание 1830 года, и на первых же порах заявила себя такими громкими подвигами, перед которыми бледнели все дипломатические заслуги аристократов. После этих первых успехов, преобразившись в патриотический клуб, демократическая партия выступила с явной оппозицией против временного правления, составленного почти исключительно из аристократов, — уничтожила все его попытки к мирному соглашению с Россией; низвергла диктатора Хлопяцкого, за его противодействие своему делу, и, наконец, опираясь во всех своих действиях на *волю народа*, перед которой должен был преклониться и сам князь Чарторыйский, завершила свои подвиги кровавою *контр-революцией* в Варшаву 3-го (13-го) августа 1831 года.

В главе этой партии стоял Лелевель, немец по происхождению, но родившийся в Варшаве, где воспитывался в училище Пиарского монастыря. Сперва он был учителем в кремницком лицее, потом профессором в виленском и варшавском университетах, а в 1819 году призван князем Адамом Чарторыйским снова в виленский университет, на кафедру истории. Лелевель с ранней молодости был проникнут самым ярким демократическим направлением, но с тем же вместе отличался крайнею осторожностью и трусостью, и хотя принимал горячее участие в заговорах, но никогда не высказывался открыто, и, в случае опасности, всегда умел оставаться на заднем плане. В Вильне он был душою тайных обществ между студентами; но, при открытии их в 1823 году, против него не обнаружено явных улик, и потому он отбыл только удалением из Вильны. После того, возвратившись в Варшаву, Лелевель успел втесниться в число депутатов сейма, и сдвинулся главным руководителем революционных замыслов в палате послов, а также между воспитанниками учебных заведений и

(*) Выпавшиши, принимавший, как известно, деятельное участие в революции 1794 года. После суворовакого штурма Праги был отправлен в Петербург; по смерти Екатерины II возвратился в Варшаву. В 1861 году была в живых его дочь — акушерка. Революционеры не преминули обратиться на нее внимание народа и даже распорядились выдать ей денежное пособие.

военными. Перед мятежем 1830 года, онъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ военными заговорщиками, и настоятельно требовалъ умерщвленія Великаго Князя Константина Павловича. Въ ночь 17-го (29-го) ноября, по свойственной ему осторожности, онъ не выходилъ изъ своей квартиры, и когда открывшіе мятежъ и уже совершившіе нѣсколько убійствъ подрапорщики явились къ нему съ просьбой стать во главѣ ихъ, то нашли его въ большомъ испугѣ, и онъ, не зная еще каковъ будетъ успѣхъ мятежа, отказался отъ предложенія своихъ питомцевъ, подпредлогомъ болѣзни. Но едва диктаторъ Хлопицкій выразилъ намереніе перейти на путь примиренія съ Россіею, какъ Лелевель успѣшилъ стать во главѣ сформированнаго имъ изъ самыхъ отчаянныхъ головорезовъ патриотическаго клуба. Чтобы ослабить вліяніе Лелевеля на демократовъ, князь Адамъ Чарторыйскій сдѣлалъ его членомъ временнаго правленія и министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; но это не уняло его демагогическихъ стремленій, и онъ вскоре составилъ заговоръ противъ Хлопицкаго, съ цѣлію произвести контръ-революцію. Заговоръ былъ открытъ, патриотическій клубъ уничтоженъ и самъ Лелевель арестованъ; но и на этотъ разъ онъ остался невредимымъ, и скоро, притворившись демократомъ, заставилъ Хлопицкаго отказаться отъ диктатуры. Въслѣдъ за тѣмъ Лелевель принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ состоявшемся 13-го (25-го) января 1831 года отрѣшеніи Императора Николая I отъ польскаго престола, и, наконецъ, продолжалъ безпрепятственно руководить демократами и возстановленнымъ патриотическимъ клубомъ, вызвалъ контръ-революцію 15-го августа 1831 года.

По мѣрѣ неудачъ польскихъ войскъ въ кампанію 1831 года, демократическая партія приписывала всю вину ихъ неуксуснымъ распоряженіямъ аристократической партіи, въ рукахъ которой сосредоточивалось управленіе страной, и даже самъ главнокомандующій арміею, Скржиленцкій, былъ ея орудіемъ. Чтобы поддержать эти обвиненія въ глазахъ черни, демократы распространяли слухи о тайныхъ сношеніяхъ аристократовъ съ русскимъ правительствомъ, и пораженія, испытанныя польскими войсками, объясня-

ли умышленными промахами нѣкоторыхъ генераловъ. Въслѣдствіе этого были арестованы и преданы военному суду нѣсколько генераловъ, по обвиненію въ изменѣ, а также нѣкоторыя частныя лица, подозрѣвавшіеся въ передачу русскимъ разныхъ свѣдѣній. Но судъ казался слишкомъ долгимъ для демократовъ, тѣмъ болѣе, что Лелевель желалъ во что бы то ни стало низвергнуть аристократовъ и захватить въ свои руки правительственную власть, и когда Скржиленцкій потерпѣлъ пораженіе подъ Остроленкой, а въслѣдъ за тѣмъ Паскевичъ предпринялъ движеніе на Варшаву, то Лелевель составилъ заговоръ противъ временнаго правленія, вспыхнувшій контръ-революціей 15-го августа. Подготовленные толпы народа бросились на замокъ, взяли его, послѣ слабого сопротивленія занимавшей караулы національной гвардіи, вытащили оттуда арестованныхъ генераловъ и частныхъ лицъ, и тотчасъ же однихъ изъ нихъ повѣсили, а другихъ умертвили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Послѣ этого, разсвирѣпѣвшая чернь предавалась обычнымъ неостовствамъ и уже готовилась къ кровавой расправѣ съ председателемъ и членами временнаго правленія, для чего, по указаніямъ Лелевеля, была даже составлена проскрипціонная списки; но князь Чарторыйскій и товарищи его укрылись въ лагерь, гдѣ и пробыли, пока генералъ Круквецкій не возстановилъ порядка мѣрами военной строгости.

Съ водвореніемъ эмиграціи за границей, дѣйствія ея были ведены первоначально подъ исключительнымъ вліяніемъ демократической партіи. Князь Чарторыйскій еще наканунѣ взятія Варшавы, сложилъ съ себя званіе председателя временнаго правленія, и его мѣсто занялъ сторонникъ демократовъ Немоевскій. Душою дѣйствій новаго правленія, преобразовавшагося вскоре въ *національный и центральный комитетъ польской эмиграціи*, сдѣлался Лелевель, другъ Лафайета и участникъ его тогдашнихъ плановъ общей европейской революціи. Въ программу этихъ плановъ входило и возстановленіе Польши, и поэтому Лелевель направилъ въ царство Польское до 150 эмигрантовъ, предводителемъ которыхъ, Завиша-Черный, былъ схваченъ и повѣшенъ въ Варшавѣ. Въ то же вре-

мя польские эмигранты приняли участие в революционных покушениях, совершившихся в Германии, Италии и Франции, за что едва не лишились гостеприимства, столь радушно оказанного им французским правительством. Комитет эмиграции рухнул, многие эмигранты были высланы из Парижа, и самъ Лелевель долженъ был удалиться в Польшу, гдѣ учредилъ *польское демократическое общество*, съ цѣлью систематическаго подготовленія возмущенія в Польшу. Эмиссары этого новаго общества разбрелись по всемъ частямъ бывшаго польскаго королевства. При всей тогдашней бдительности русскаго правительства, едва можно было успѣвать въ своевременномъ предупрежденіи ихъ замысловъ, изъ которыхъ некоторые достигали значительной степени развитія, напримеръ, покушенія Симеона Конарскаго, доктора Реньера, Феликса Киневича и ксендза Сцѣгеннаго. Въ большей части случаевъ, эмиссары, вовлекая другихъ, дѣлались и сами жертвами, но это не устрашало ихъ, и неистощимый контингентъ ихъ каждый разъ пополнялся новыми искателями приключеній.

Трудно сказать, о чемъ болѣе хлопотали вожаки демократической партіи, развивая такую неутомимую дѣятельность: о восстановленіи ли Польши, или объ исторженіи почина этого предпріятія изъ рукъ ненавистныхъ имъ аристократовъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность эта, при всей ея безплодности, внушала живѣйшія опасенія князю Чарторыйскому, несправывшему своихъ видовъ на званіе будущаго польскаго короля. Какъ представитель монархическаго принципа въ эмиграціи, онъ не могъ принадлежать своимъ именемъ ни къ какому покушенію въ демократическомъ вкусѣ, но, конечно, еще менѣе желалъ ограничиться ролью младокровнаго зрителя предпріимчивыхъ замысловъ партіи, подрывавшей его значеніе. При томъ же, необходимо было восстановить значеніе аристократовъ послѣ пораженія, нанесеннаго имъ событіями варшавской контръ-революціи, и такъ какъ цѣль эта могла быть достигнута только разстройствомъ противной партіи, то князь Чарторыйскій воспользовался невгодами демократовъ во Франціи, и началъ переманивать ихъ въ свой лагерь. Сначала

дѣло шло успѣшно; но скоро во главѣ демократической партіи явился новый дѣятель, съ которымъ, при всемъ его ничтожествѣ, не могъ управиться и самъ могущественный претендентъ на польскую корону. Это былъ питомецъ самихъ же аристократовъ, Людовикъ *Мѣрославскій* (*). Съ умомъ быстрымъ, но въ высшей степени взбалмошнымъ и несложнымъ, безъ средствъ и значенія, даже безъ патристическихъ побужденій, опираясь лишь на свою циническую дерзость въ созданномъ имъ ремеслѣ политическаго авантюриста, новый вождь демократовъ открыто заявилъ себя ярымъ возстановителемъ демократической Польши, и на этомъ пути не смущался никакими неудачами, не останавливаясь ни передъ какими безразумнымъ предпріятіемъ.

Разладивши съ своими прежними благодѣляями, Мѣрославскій открылъ свою дѣятельность образованіемъ новаго демократическаго общества, которое, въ знакъ полнаго презрѣнія къ аристократической партіи, назвалъ *сволюгою* (szuja) и соединялъ его съ демократическимъ обществомъ Лелевеля, подъ названіемъ *центриализаціи польско-демократическаго союза*. Во главѣ этой организаціи, онъ былъ дѣятѣльнѣйшимъ орудіемъ сосредоточеннаго въ Краковѣ возстанія, которое должно было вспыхнуть одновременно въ царствѣ Польскомъ, Галиціи и Познани. Известенъ комическій и съ тѣмъ вѣстѣ грустный исходъ этого искусственнаго національнаго движенія, въ которомъ масса жителей, крестьяне, отказались принять какое бы то ни было участіе.

Руководителемъ возмущенія въ царствѣ Польскомъ былъ помѣщикъ герцога познанскаго, Домбровский. Было предположено слѣдовать одновременно нападенія на Ивангородскую крепость, которую намѣревался атаковать самъ Домбровский, и на городъ Сѣдлецъ, гдѣ долженъ былъ открытъ дѣйствія Потоцкій. Домбровский.

(*). Послѣ общества въ 1831 году въ Парижѣ, Мѣрославскій окончилъ свое образованіе во французской военной школѣ на счетъ учрежденнаго въ 1833 году «Воспитательнаго общества» для юношества эмиграціи. Во главѣ этого общества былъ князь Чарторыйскій и другіе аристократы.

не приступивъ къ дѣлу, бѣжалъ за границу отъ преслѣдовавшей его полиціи, а Потоцкій успѣлъ завербовать шайку человекъ въ 30, и съ нею выступилъ ночью изъ находившагося верстахъ въ четырехъ отъ Сѣльца имѣнія своего. Но еще не успѣлъ онъ дойти до города, какъ всѣ почти сподвижники его разбѣжались, такъ что онъ только съ двумя канцеляристами явился къ дому общественнаго собранія, застрѣлялъ стоявшаго у входа жандарма, и вошелъ съ товарищами въ залъ, гдѣ хотя и произвелъ смятеніе, однако скоро, сообразивъ свои слабыя силы, посвѣшилъ бѣжать. Онъ укрылся въ мельницѣ своего имѣнія, гдѣ, по указанію мельника, и былъ арестованъ. Это случилось не за долго передъ великимъ постомъ, съ наступленіемъ котораго мельникъ отправился къ обычной исповѣди: и тотчасъ по возвращеніи изъ костела повѣсился. — какъ утверждали, вследствие энергическаго религіознаго внушенія со стороны своего духовнаго отца (*).

Такимъ образомъ въ царствѣ Польскомъ весь задуманный государственный переворотъ осуществился въ ночномъ нападеніи помѣщика *Потоцкаго*, съ канцеляристами *Кочишевскими* и *Жарскимъ*, на домъ общественнаго собранія (во время бала) въ городѣ Сѣльцѣ.

Въ Познани заговорщики даже успѣли приступить къ дѣлу, потому что Мѣрславскій, прибывшій туда для личнаго руководства возстаніемъ, былъ арестованъ ирской полиціей, преданъ суду и приговоренъ къ смертной казни, которую король замѣнилъ тюремнымъ заключеніемъ. Только въ Галиціи заговоръ принялъ болѣе обширные размѣры, такъ какъ къ нему присоединились многие значительные помѣщики; но за то и развязка его была неожиданно кровавая: послѣ безпрятственныхъ, подъ глазами австрійскихъ властей, приготовленій къ возстанію, заговорщики встрѣтили главное сопротивленіе въ крестьянахъ, которымъ польское дѣло до того было чуждо, что они не затруднились вырвать съ изысканною жестокостью, не раз-

бирая ни пола, ни возраста, до 1000 помѣщичьихъ семействъ.

Въ то время, какъ эмиграція надѣялась пробудить сочувствіе европейскихъ кабинетовъ къ судьбѣ Польши громкими жалобами на умышенное подготовленіе австрійскимъ правительствомъ галиційской катастрофы, одинъ изъ аристократическихъ дѣятелей 1831 года, помѣщикъ царства Польскаго, графъ Александръ Велепольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій, выступилъ съ новой программой польской патриотической дѣятельности, которую развилъ въ появившейся по поводу галиційской рѣзни брошюрѣ «Lettre d'un gentilhomme polonais à m^t le prince de Metternich». Не увлекался мечтой восстановленія государственной самостоятельности Польши, но въ то же время опирался на идею панславизма, какъ на орудіе къ исторженію польскихъ областей изъ подъ германскаго владычества, онъ надѣялся осуществить полное самоуправленіе Польши лишь посредствомъ династической связи ея съ Россіей (*). Такъ какъ графу Велепольскому черезъ пятнадцать лѣтъ суждено было играть первостепенную роль въ событіяхъ 1861 и 1862 годовъ, то мы остановимся здѣсь, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ.

Графъ Александръ Велепольскій, маркизъ Гонзаго-Мышковскій, родился 15-го марта 1803 года. Титулъ маркиза Мышковскаго наследовалъ онъ отъ одного изъ предковъ своихъ по женской линіи, подучившаго его отъ папы Клементя VIII. вмѣстѣ съ дарованнымъ одновременно, герцогомъ мантуанскимъ, правомъ на гербъ и фамилію Гонзаго. Получивъ богатое, но въ тоже время оспариваемое другими претендентами, наследство, графъ Велепольскій началъ свое поприще нескончаемыми тяжбыми дѣлами, и по этому случаю изучилъ въ совершенствѣ гражданское законовѣдѣніе, такъ что считался первымъ юристомъ въ царствѣ Польскомъ. Въ началѣ мятежа 1830 г. онъ былъ посланъ временнымъ правленіемъ въ Лондонъ, въ качествѣ дипломатическаго агента, при чемъ официальными инструкціями было ему поручено:

(*). По этому поводу было начато наследованіе, которое приходскій мѣстѣ совершенно успѣшно отравилъ менарушностью тайны исповѣди.

(*). Брошюра эта, подъ обложкой панславизма есть въ сущности повтореніе первоначальной программы Адама Чарторыйскаго.

домогаться удовлетворения жалоб поляков на нарушение конституции, а в случае отрешения от польского престола Императора Николая I представить невозможность возвратиться к старому порядку и настаивать на присоединении к царству Польскому западных губерний России. Весь успех этого поручения ограничился, впрочем, только подачею графом Велепольским лорду Пальмерстону пространной записки о необходимости восстановления Польши, не только по правам законности, но и в видах общих европейских интересов. По возвращении из Лондона граф Велепольский был назначен государственным советником и товарищем министра иностранных дел, и с того времени принимал деятельное участие в общественных делах, отличаясь постоянным противодействием демократической партии. Между прочим, это выразилось в бурных прениях сейма в мае 1831 года, об отношениях царства Польского к возмущившимся западным губерниям России, именно по вопросу: должны ли жители этих губерний возвратиться к правам, которыми пользовались до раздела Польши, или же подчиниться новейшим учреждениям царства Польского. Граф Велепольский защищал первую часть этого вопроса, и его мнение было принято обоими палатами. Во время контр-революции, граф Велепольский был внесен, в числе прочих арестократов, в проскрипционный список, но вследствие затем назначен министром иностранных дел, а с усмирением мятежа удалился в свои поместья, и до последнего времени не принимал участия в проскаках своих соотечественников, явившись только однажды своей образ мысли в брошюре: «Lettre d'un gentilhomme polonois à Mr. le prince de Metternich».

Съ умомъ съезлымъ и положительнымъ, съ желанной волей и неустрашимымъ характеромъ, онъ изучалъ на опытъ характеръ и приемы политической и государственной жизни своего народа, и хотя, конечно, платилъ обильную дань кровавымъ аристократическимъ стремлениямъ и своему непопулярному властолюбию, но въ тоже время былъ борборникомъ энергическаго сосредоточения власти въ лицъ закона. Между тѣмъ,

однако, его личная обстановка была такова, что можно было напередъ предугадать полную неуспѣшность его политической дѣятельности. Главнымъ и, можно сказать, единственнымъ залогомъ его будущихъ неудачъ была его замѣчательная непопулярность между своими соотечественниками всѣхъ партій и сословій. Демократы ненавидѣли его еще съ эпохи возстанія 1831 года, когда онъ принадлежалъ къ числу ихъ отъявленныхъ противниковъ. Помѣщики не благопріятствовали ему за его надмѣнность и высокомеріе, никогда недопускающія его принадлежать къ какой бы то ни было партіи, которой онъ не былъ главою и руководителемъ. Наконецъ и въ частномъ быту общественное мнѣніе было восстановлено противъ него за его непопулярную страсть къ тѣбамъ, веденіе которыхъ составляло, въ продолженіе всей его жизни, почти исключительную его спеціальность; способъ же его дѣйствій въ этомъ случаѣ, какъ утверждаютъ многіе, — быть можетъ, впрочемъ, и его личные враги, — не всегда могъ выдержать строгую критику. Легко понять, что при подобной обстановкѣ мысль графа Велепольскаго о возрожденіи Польши посредствомъ тѣсной связи съ Россіей была встрѣчена въ высшей степени неблагоприятно почти всѣми его соотечественниками, — тѣмъ болѣе въ то время, когда, съ одной стороны, польскія партіи были въ полномъ разгарѣ ненависти противъ Россіи, а съ другой еще менѣе было возможно рассчитывать на поддержку въ этомъ отношеніи со стороны русскаго правительства, которое, при его тогдашнемъ направленіи, всего менѣе было готово упрочивать свою власть надъ непокорными подданными путемъ добровольнаго съ ними соглашенія. Не только демократы, но даже умѣреннѣйшіе патриоты посмѣивали подозревать графа Велепольскаго въ приверженности русскимъ интересамъ, и это подозрѣніе, хотя, быть можетъ многими и не искренно сознаваемое, тяготѣло надъ нимъ до послѣдняго времени. Ни эта неудача, однако, ни уславнившаяся непопулярность графа, послѣ отказа его принадлежать къ земледѣльческому обществу и въ слѣдствіе тѣжбы его по дѣлу о библіотекѣ Свидвинскаго (*), не

(*) Константинъ Свидвинскій, бывшій депутатъ

остановили его предприимчивых замыслов. События 1861 года готовили графу Велепольскому блистательную роль, какой в XIX столетии не достигал ни один из польских вельмож, и он успевал наконец низвергнуть своего могучего соперника, графа Замоиского, с его земельным обществом, хотя, конечно, едва ли предвидял, что этот успех повлечет за собой страшный погром аристократической партии и польского национального дьла.

Взрыв европейской революции 1848 года повстал польским патриотам надеждой вознаграждения неудач 1846 года. События в Берлине и Вьне ярко отразились в герцогстве Познанском и Галиции, и эмиграция поспешила объявить о восстановлении Польши общия для всех подданных уступки австрийского и прусского правительств. В Познани, освобожденный берлинскими революционерами Мьрославский успевал даже похвастаться с прусскими войсками, хотя, вслэд за своей прославленной побдой под Милославомъ, долженъ был бжгать из прусских владнй. В Галиции австрийскія власти уже явно склонялись на сторону поляковъ; но упоенные неожиданнымъ успомъ патриоты

сейма царства Польскаго, владыцы значительныхъ помжй въ этомъ край и Кйелской губернии, и усердный собиратель памятниковъ польской литературы и искусствъ, завидая все свое имущество, капиталы и помжья, на вѣчное содержание оставшей послѣ него библіотеки и собрания художественныхъ произведеній, съ тѣмъ, чтобы они помщались въ Варшавѣ и были открыты для публичнаго пользованія. Непоминатель завѣщанія, графъ Велепольскій, повидному заинтересованный матеріальною стороною завѣщанія, перевезъ библіотеку и художественныя произведенія въ свое имѣніе, тѣмъ вооружилъ противъ себя общественное мнѣніе своихъ соотечественниковъ, а между тѣмъ началъ съ ними нескъ аз право владѣнія имѣніями Свиданскаго и родственники этого погбднато, заявляя обязательно выполнить всѣ условія завѣщанія на счетъ библіотеки. Это дѣло, размгравшееся въ концѣ 1850 годовъ, возбуждало горячее участіе публики въ Варшавѣ, при чемъ періодическая пресса усердно направляла общественное мнѣніе противъ графа Велепольскаго. Нескъ проходило черезъ всѣ инстанціи, и, наконецъ, проигранъ графомъ, не смотря на его юридическую опытность и замѣчательное судебное краснорѣчіе.

замышляли полное отторженіе отъ Австріи, и тогда австрийскія войска отрезвили ихъ бомбардированіемъ Львова. Въ царствѣ Польскомъ, гдѣ администрація была на сторожѣ еще современн событій 1846 года, нельзя было, конечно, рассчитывать даже на минутный успѣхъ; однако и тамъ чувствовалось во всей силѣ революціонное броженіе: преувеличенныя извѣстія объ успѣхѣ польскаго дьла въ Познани и Галиции, и въ тоже время подымавшееся возстаніе Венгрии, сводили съ ума даже умѣренныхъ патриотовъ; молодежь пробралась за границу; агенты Мьрославскаго шпирити по всѣмъ направленіямъ края; въ Варшавѣ открыты были слѣды заговора, имѣвшаго цѣлю обезоружить караулы на гаутвахтахъ. Далеко было, конечно, отъ всего этого до той дѣли, къ которой стремилась эмиграція; но не такъ легко могла она разочароваться въ своихъ надеждахъ. Восстановленіе Польши считала она неизбежнымъ послѣдствіемъ каждой войны и революціи въ западной Европѣ, и поэтому ни одно изъ такихъ событій не могло обойтись безъ ея участія. Польша должна была во чтобы то ни стало возстановить свое старинное почетное названіе: *столицю на стражѣ европейской цивилизаціи и охраняютъ европейское равновѣсіе отъ завоевательныхъ покушеній варваровъ*. Ни одинъ мирный договоръ въ умахъ поляковъ не могъ обойтись *безъ необходимости для спокойствія Европы условія* — возстановленія Польши, и если оно не входило въ число явныхъ договорныхъ статей, то уже необходимо заключалось въ статьяхъ тайныхъ. Подобно странствующимъ рыцарямъ, являлись польскіе эмигранты, съ своими непрощенными услугами, повсюду, гдѣ только начиналось какое-либо движеніе, и при этомъ всегда вносили съ собою раздоры и соперничество за право владычества надъ будущимъ польскимъ королевствомъ. Только въ одномъ согласовались стремленія польскихъ партій: что лучше не быть Польшѣ, нежели быть подъ вліяніемъ противной партій.

Едва очистился политическій горизонтъ Европы послѣ революціи 1848 года и венгерскаго возстанія 1849 года, какъ показались новыя тучи; съ той стороны, откуда всего меньше можно было ихъ ожидать. Ничего, казалось, не могло